Состязание молодца конями с князем Владимиром

Э во стольнеем городе во Киеве
Ю ласкова князя ю Владымира
Да было пиро́ванье-столо́ванье
Про сильных могучих бога́тырей.
Тут вси на пиру напиваютца,
Да вси на чесном наедаютца.
Тут ходит нонь солнышко Владымыр-князь
По тому же полу дубовому,
По той же...
Сапог о сапог постукиват,
Каблук о каблук поколачиват,
Белыми руками розмахиват,
Златыми перстнями побрякиват,
Русыми кудрями потряхиват,
Ясными очами поваживат,
Из речей Владымир поговаривает:
«Уж вы ой еси́, мои гости приезжие,
Приезжие вы гости дальние,
Приезжие гости всё прихожие,
Уж сильные могучие бога́тыри!
Кто бьётся со мно́й о вели́к зало́г?
Я бьюся теперь о велик зало́г —
[Съездить] от города до города,
От Киева-града и до Чернигова,
Да три девяноста равномерных вёрст,
Межу утреней съездить, меж обеднюю.
Я сто кладу́ рублей со тысячей,
А кто бы о своей буйно́й головушке?»
Выставает удалой доброй молодець
По имени Добрынюшка Микитич блад:
«Ты солнышко батюшко Владымир-князь!
И я съеждю от города до города,
От Киева-града и до Чернигова,

Да три девеноста равномерных вёрст,
Межу ютреней и межу обеднюю».
Пошёл Добрынюшка вон на юлицу,
Приходит ко своёй ло́шади доброей,
Из рецей Добрынюшка выговариват:
«Ты маленький бурушко-косматецько,
Да добрый конь сеголетоцек,
Да ты можошь ли сходить [от города
Киева до Чернигова,
Три девеноста равномерных вёрст,
Между ютреней, межу обеднюю?]
Да князь кладёт сто рублей со тысецей,
А я о своёй буйно́й головушке».
Говорит-то ему маленький бурушко-косматецько:
«Уж ты Добрынюшка Микитич блад!
Уж мы съездим от Киева-града до Чернигова,
И три девеноста равномерных вёрст,
Межу ютреней и межу обеднюю,
А не выдаст-ка Владымир денежки выгодно,
А выгодно денежки и выездно».
Обуздает-седлает добра́ коня,
Поехал Добрынюшка из чиста́ поля в стольный Киев-град,
И приеждяет он ко церкви ко бо́жьей же.
Да скоро он скачет со добра́ коня,
Заходит Добрынюшка во церковь во божью,
Из рецей-то Добрынюшка выговариват:
«Уж вы ой еси, попы, ётцы духовные!
Вы служили заутреню воськресеньскую,
Роспишитесь вы-ко мне скорограмотку,
Не ударживайте вы удала добра молодца в чисто́м поле.
Я билса-то с князем о вели́к золо́г,
Да сто кладёт князь рублей со тысецей,
А я о своёй буйно́й о головушке:
Мне съездить от города до города,
От Киева-града до Чернигова,
Да три дев[еноста равномерных вёрст,
Межу ютреней и межу обеднюю],
Мне не съездить — голову́ сложи́ть».
Да то попы не ослышались,

Росписались они ему скорограмотку;
Да скоро Добрыня вышел вон на юлицу,
Взял Добрыня скорограмотку,
Пошёл детина вон на юлицу,
Садилса на коня на доброго,
Поехал Добрынюшка во чисто́ полё.
Маленький бурушко-косматецько,
Добренький конь сеголетоцек,
Начал он ехать по чисту́ полю́.
Стал ускоки скакать не маленьки:
Первый ускок скочил за десять вёрст,
Вто́рой ускок скочил за́ двадцеть вёрст,
А третий ускок скочил за тридцеть вёрст,
Начал маленький бурушко ростешился,
И добренький конь роспотешился:
Начал он скакать с го́ры на́ гору,
Со щельи скачет он на ще́лину,
С окатици катитца он на окатицу,
Мелкие ёзера хвостом покрыват,
Быстрые речки перескакиват,
Зыбучи болота промеж ног берёт.
Не долго пое́тца, скоро скажетца.
Приехал Добрыня во Чернигов-град,
Оставляет свое́го коня доброго,
Заходит во церковь во божию,
Служит обедню воскресеньскую,
Из рецей-то Добрынюшка выговариват:
«Уж вы ой еси, отцы, попы духовные,
Вы причётники церковные!
И роспишитесь мне скорограмотку.
Не ударживайте вы меня, добра́ молодца.
Я билса с князем о велик зало́г,
Да князь кладёт сто рублей со тысецей,
А я о своей буйно́й головушке:
Мне съездить от города до города,
Да три [девеноста равномерных вёрст,
Межу ютреней и межу обеднюю»].
На то попы, отцы духовные, не ёслышались,
Росписались удалу добру молодцу.

Топеря Добрыня пошёл вон на юлицу
Да скоро садилса Добрыня на добра́ коня́,
Поворацивал коня́ как люты́м зверём,
Поехал Добрынюшка во чисто́м поли.
Да маленький бурушка-косматецько ростешился,
Добренький конь роспотешился:
[Начал он скакать с го́ры на́ гору,
Со ще́льи он скачет на ще́лину,
С ока́тици катитца он на окатицу]
(*отдохнул, так снова стал скакать*!)
И приехал Добрыня в стольный Киев-град.
Приеждяет Добрынюшка к церкви ко божией,
Заходит во храм божий
И служит заутреню воскресеньскую.
(*И там служил и здесь приехал — служит, вот как ездит*!)
Увидел он солнышка Владымыра,
Говорит Добрыня таково́ слово́:
«Уж ты солнышко Владымыр-князь!
Отдай-ко мне денежки выездны и выгодны,
Да сто рублей клади со тысецей:
Я-де съездил от города до города,
С Киева-града до Чернигова!»
(*Тут-то росписались и там росписались*.)
Говорит ему солнышко Владымыр-князь таково́ слово́:
«Прошу милости, Добрынюшка, ко мне на почесен пир!»
(*Долго ли пировали...*)
Говорит-то Добрыня таково́ слово:
«Уж ты солнышко батюшко Владымыр-князь,
Владымир-князь стольне-киевский!
Клади-тко денежки выгодны,
Выгодны денежки, выездны,
Сто рублей клади теперь со тысецей:
Не съезди я от города до города,
Ты ссек бы у меня буйну голову».
Говорит ему царищо таково́ слово́:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Продай-ка мне маленького бурушка».
Говорит Добрыня таково́ слово́:
«Не продам я бурушка ни за каки́ деньги́».

Тут-то Владымиру за беду стало́,
За великую досаду показалосе.
Говорит-то Владымир таково́ слово́:
«Уж вы ой еси, мои слуги верныи,
Верные слуги, неизменные!
Сходите-ко, слуги, на конюшен двор,
Выпускайте тридцеть же́ребцей неучёныих,
Пущай побежат эти же́ребцы в чисто́ полё,
Пущай заедат его бурушка-косматецька».
На то его слуги не ослышались,
Побежали эти же́ребцы во чисто́ полё,
Да стали жеребца покусывать.
Да маленький бурушко ростешился,
Да начал скакать по чисту́ полю́,
Да все эти кони испужалися,
Да все кони пали, как бубны́ лежат.
(*Все пропали. Опять Добрыня стал просить деньги*.)
«Я не съездил бы [от города до города],
Ты бы ссек бы [у меня буйну голову].
Ты клади-тко [денежки выгодны,
Выгодны денежки, выездны]».
И говорит Владымир таково слово:
«Продай-ка мне бурушка-косматецька».
Говорит-то Добрыня таково́ слово́:
«Не продам я тебе бурушка ни за каки́ деньги́».
Да тут Владымиру за беду́ стало,
За великую досаду показалосе,
Из рецей-то Владымир выговаривал:
«Выпускайте трёх добры́х лошадей,
Пусть заедат бурушка в чисто́м поли».
На то его слуги не ослышались.
Побежали жеребцы во чисто́ полё,
Теперь от этих коницков вести нет.
(*Просит Добрыня денег*.)
Говорит Добрыня таково́ слово́:
«Уж ты солнышко батюшко Владымир-князь!
Клади-тко ты денежки выгодны,
Выгодны денежки, выездны,
Да сто рублей клади со тысяцей:

Не съезди я от города до города
Три девеносто равномерных вёрст,
Ты ссек бы у меня буйну голову».
Никто по детину не выставает жё,
А выставаёт два удалых добрых молодца.
Ёдин — стар казак Илья Муромец,
А-во вторых, Самсон Колыбанович.
Их рецей эти молодца выговариват:
«Уж ты ой еси, Владымир-князь,
Ты солнышко князь стольне-киевский!
Отдай ты денежки выгодны,
Ты выгодны денежки, выездны:
Не съезди он от города до города,
От Киева-града до Чернигова,
Ссек бы буйну голову».
Пришлось князю отдать денежки выгодны,
А тут от Владымира ответу нет.
А вынимал Владымир все денежки.
Пошёл Добрыня во чисто́ полё
Ко своёму ко маленькому бурушку.
Маленькому бурушку за беду стало́,
За великую досаду показалосе.
Тут-то бурушко-косматецько рассе́рдился,
Хватил-то Добрыню за кунью́ шу́бу
И бро́сил Добрыню на сыру́ землю́.
(*Это за то, что хвастал, а они его кусать хотели*.)
Лежал-то Добрынюшка три часа замертво.
Говорит-то конь таково́ слово́:
«Ты, молодой, пу́рхай — не попархивай,
А маленький детина — не похвастывай!»

(Зап. Астаховой А. М.: 23 июля 1929 г., д. Великая Виска, Ненецкий нац. округ — от Дитятевой Прасковьи Ивановны, 69 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.